

Язык Церкви

Мне, как представителю Церкви и библеисту, пристало говорить о языке Русской Православной Церкви и, - что для меня предпочтительнее, - языке Библии. Но, как для христианина, ещё важнее мне говорить о языке не просто как о культурном феномене, но как о средстве христианской миссии в мире.

Однако можем ли мы говорить о языке Церкви как о чём-то едином? В Церкви используются разные языки - церковнославянский и русский, а внутри церковнославянского языка (если же быть точным, - в церковнославянских текстах) мы обнаруживаем такие глубокие различия, что подчас кажется, будто речь должна идти о разных церковнославянских языках. Да и вообще не существует единого языка РПЦ. Мы ведь можем также говорить о:

1. языке Писания;
2. литургическом языке молитвы и церковной поэзии;
3. языке богословия;
4. языке проповеди;
5. бурсацком жаргоне и т.д.

Церковь всегда бережно относилась к слову. В течение веков именно в Церкви было средоточие культуры и образованности. Сами культура и образованность долгое время были синонимами словесной церковности. Вместе с христианством на Руси возникла особая лингвистическая форма церковной письменности и проповеди.

Нет нужды говорить и о достоинствах церковнославянского языка. Этот язык имеет великие заслуги и обладает непревзойдённой красотой для внимающего, и даже не очень внимательного, уха русского человека. Его звучание величественно и благородно. Но вот парадокс: неся на Русь христианство, этот язык одновременно стал чем-то сакральным, а тем самым противоречащим одному из важнейших достижений христианства. Не забудем, что христианство принципиально лишило не только язык, но и вообще что бы то ни было статуса сакральности. Сакральность – идея распространённая, но вовсе не христианская по своей сути.

Следует напомнить, что христианство никогда не имело и принципиально не могло иметь «сакрального», священного языка. В отличие от, скажем, ислама или иудейства. Так, язык ислама не может не быть языком Корана. Язык синагоги после «неудачного» опыта с Септуагинтой не может быть иным, кроме как еврейским языком Писания. Как говорил в одной из своих лекций Аверинцев, «с христианством всё с самого начала иначе. Христианство возникает среди иудейского народа и затем распространяется среди каких угодно народов, только не среди иудеев, то есть того народа, среди которого оно родилось. Священный язык? Евангелие и вообще все новозаветные сочинения мы имеем по-гречески; но они были написаны уже как перевод... Языком самой начальной христианской проповеди был арамейский язык. И, тем не менее, ни единое изречение Христа не дошло до нас в своём арамейском подлинном виде. Под знаком перевода, передвижения из одной языковой сферы в другую... христианство стоит с самого начала».

Христианство, как «поклонение в духе и истине», не может быть фиксировано ни в какой лингвистической форме. Различные языковые формы христианство принимает, освящает, часто придёт им большое значение, но никогда не абсолютизирует, как это делается в других религиозных системах. Это в полной мере относится к языку Церкви. Для иудаизма и ислама Священное Писание – как текст, как совокупность букв, звуков, слов, фраз – это самая последняя инстанция откровения, а потому – реальность надмирная и премирная, предшествовавшая мирозданию. Христианин же никогда не найдёт необходимым и даже возможным подсчитывать буквы Священного Писания и строить из них разные комбинации, как это

делали и до сих пор делают иудеи (вспомним недавние эксперименты с так называемым «Библейским кодом»).

Христианам совершенно чужда идея сакрализации Слова Божия (в смысле Священного Писания). В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово» (Ин 1,1). Но было бы герменевтическим произволом понимать это Слово, Которое было в начале, в некоем метафизическом или даже лингвистическом, речевом смысле (а такое толкование часто приходится встречать). Для христианина Слово Божие – это вторая ипостась Бога Троицы, воплощённая в Иисусе Христе, живой Логос, Который был до создания мира. В исламе предвечно существует Слово Корана, для иудея предвечно существует Премудрость, как Слово Торы. Для христианина предвечно существует не текст, и не «слово» в его возвышенной отвлечённости, а Сын Божий, Иисус Христос. Это Он – единственное, первое и последнее Слово. А то, что мы привыкли называть Словом Божиим (Библией, Священным Писанием, а сюда можно отнести и некоторые писания святоотеческие, литургические и т.д.), есть всего лишь более или менее значимый текст, свидетельствующий о том единственном и живом Слове Божиим. Интересно, что если Мухаммед свой Коран писал, то проповедь Иисуса Христа была от начала до конца только устной, только – живым голосом. Да и тот нам неслышен, ибо мы знаем лишь его пересказы и переводы.

В Церкви предпринимались попытки сделать тот или иной язык сакральным (греческий, латинский). И в нашей среде есть искушение оценить как сакральный церковнославянский язык, то есть язык литургии и молитвы. Но при всех величайших заслугах этого языка не существует абсолютно никаких богословских или мистических оснований для сакрализации этого языка «перевода в квадрате» (с арамейского на греческий и с греческого на славянскую основу).

Наша великая ценность, русский язык, был сформирован церковнославянским языком перевода библейских и литургических греческих текстов. Тем самым русский язык впитал в себя специфику поздней античной и послеантичной культуры, выразившей себя в эллинистической и византийской церковной словесности. Это подарок судьбы. На какой другой язык можно почти адекватно и по содержанию и по форме перевести греческую поэзию, скажем, Гомера?! Из близких нам европейских языков разве только ещё на немецкий. Но не об этом речь.

Речь о парадоксальности этого великого дара судьбы. Христианство в нашем этническом ареале было возведено на церковнославянском языке. Не на естественно-разговорном языке привычного общения, но на искусственном, изначально отчужденном от обыденности языке, который был вроде бы и понятным и одновременно непонятным, чем-то средним между пророчеством и глоссолалией, языком человеческим и «языком ангельским» (вспомним Первое послание к Коринфянам). Он действительно был как бы даром с эллинизированных небес. Однако за этот дар пришлось-таки платить. И платой была некоторая подмена живой христианской керигмы, «добраго известия» той проповедью, которая была обременена таинственной невнятностью и особой красотой, вызывающей священный трепет и приподнятой над грешным миром, короче говоря, всеми чертами сакральности. И это имело (я высказываю мою личную точку зрения) следствия, отнюдь не ожидавшиеся творцами церковнославянских текстов, а тем самым и русского языка. Если прибегать к аналогии, то можно сказать, что христианство на Русь пришло в «премудрости слова» (*sōphía logoy*), а не в спасительном «юродстве проповеди» (*hē mōria tou kērygmatos*) (1 Кор 1,17.21), в форме речи александрийца Аполлоса, а не тарсянина Павла.

Разумеется, вопрос не столь схематично прост. Но в известном смысле именно церковный язык стал одной из главных причин того, что теперь русский народ нуждается в новом Просвещении и Крещении. А это стало уже едва ли не общим местом в рассуждениях о судьбах христианства в России.

Основная и прямая задача Церкви – миссия через научение, которое, разумеется, должно начинаться словом, чтобы вести к Слову. Но какое слово обязана Церковь нести в мир?

Слово церковнославянской литургической традиции? Однако для мира, что бы там ни говорили, этот язык сейчас (как, впрочем, и прежде) – прекрасная глоссолалия, нечто туманно-возвышенное. Иногда делается упор на литургическую темноту, якобы необходимую для проникновения в некие мистериальные глубины, - идея захватывающая, но гностическая, никакого отношения к христианству не имеющая.

Слово Писания? Тем более что оно распространено преимущественно в русском Синодальном переводе. Прекраснодушные мечты! Не те времена, не те форматы... При всех исторических заслугах в этом переводе и без того сложнейшего для понимания текста помимо множества ошибок и чудовищных невнятных едда ли не через каждую строчку наталкиваешься на слова, которые изменили свою семантику. Однако перевод Писания требует особого рассмотрения.

Остаётся слово евангельской проповеди. Вспомним слова апостола Павла: «Я приходил к вам, братия, ... возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ... И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор 2,1.4). Впрочем, надо полагать, это «явление силы» происходило тоже не без участия слова. И сам же апостол указывает на реальность силы, заложенной в слове: «приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, — каково оно есть по истине, — которое и действует в вас, верующих» (1 Фесс 2,13). Итак, слово Евангелия (не Евангелия как книги определенного литературного жанра, а Евангелия в прямом и буквальном значении) обладает творческим действием (*energeia*), энергией преобразования. Не будучи фиксировано ни на каком из языков, в России это слово, естественно, должно звучать на русском языке. Да, этот язык, укорененный в церковнославянском, и через последний соединенный с великой речевой культурой эллинизма, - этот язык сейчас утратил свою фонетическую величавость и непревзойденную музыкальность литургических текстов, он утратил также множество нюансов в морфологии, он до неузнаваемости изменил семантику сотен слов. Но в то же время за последние два столетия он и невероятно обогатился. Так что приобретения вполне способны компенсировать утраты.

Можно сказать, что для Евангельской вести в современном русском языке открылся новый, в некоторой мере «чужой», но в значительной степени родной язык, каковым для нее некогда был, скажем, греческий язык Септуагинты. И задача Церкви теперь – не изобретать новый искусственный язык, но принять уже готовый, великолепно развитый язык, принять его и освятить. Освящение же – дело Духа Божия через посредство носителей этого Духа. Язык для христианства в нашем народе готов, им даже в значительной мере воцерковлённый. Церкви остаётся продолжить начатое. Ещё нет на этом прекрасном языке ни молитв, ни литургической поэзии, ни достойного перевода Писания. Но уже давно есть проповедь. За примерами ходить далеко не надо. Достаточно почитать проповеди Митрополита Антония Сурожского, о. Георгия Флоровского и других духоносных просветителей недавнего прошлого. Что же касается существующего языка Церкви, то он может, как и прежде, быть источником просвещения, лексического вдохновения и стилистической красоты.

Профессор-архимандрит ИАННУАРИЙ (Ивлиев), Доклад на Круглом столе «Беседы любителей русского слова: православное духовенство о языке», СПбГУ, 24 октября 2005

В 1966 г. окончил Санкт-Петербургский государственный университет. До 1975 был сотрудником и аспирантом университета. В 1975 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию (СПбДА). С июня 1978 года является преподавателем, с 1985 г. - доцентом, с 2005 года - профессором СПбДА. Кандидат богословия. Участник многочисленных международных конференций и консультаций.

В Санкт-Петербургской духовной академии преподаёт Священное Писание Нового Завета и библейское богословие. В Московской духовной академии преподаёт экзегезу Священного Писания Нового Завета.

Член Синодальной богословской комиссии РПЦ МП. Член комиссии по канонизации святых РПЦ МП.
Куратор редакции Священного Писания Церковно-научного центра "Православная Энциклопедия".

<http://www.sfi.ru/statja/prof-arkhimiannuarii-ivliev-jazyk-cerkvi/>

<http://www.bible-mda.ru/info/iannuary.html>